

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Диана УДОВИЧЕНКО

МЕЧ РОНИНА

**ЭКСМО
МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
УЗ1

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Удовиченко, Диана.

УЗ1 Меч Ронины : [фантастический роман] / Диана
Удовиченко. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-699-77530-9

Не связывайся с теми, кто увлекается мистикой и колдовством, — рискуешь заблудиться во времени и пространстве. Охота за опасным преступником внезапно занесла офицера ФСБ Данила Платонова в средневековую Японию. Здесь без конца воюют кланы самураев, летают огнедышащие драконы, бродят сумасшедшие призраки, да еще и демоны на каждом шагу норовят сожрать! Платонову придется тяжело... Но зато тут есть изящные страстные гейши и соблазнительные девушки-лисы кицунэ. Война, магия и секс по-японски — это опасно и экзотично. Зато скучать не придется!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77530-9

© Удовиченко Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Пролог

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

Басё

Пахло сухой травой, пылью и какой-то едой. Во рту явственно ощущался привкус рыбы. Дан очнулся, вздрогнул и огляделся. Маленькая хижина без окон, с земляным полом, никакой мебели, только циновка на полу. На ней он и сидел. Рядом стояла деревянная тарелка с шариками из риса. Дан знал, что внутри них – кусочки рыбы. Суши.

– Ты слишком задумчив сегодня, Акира, – раздался вдруг резкий голос.

Людей, кроме самого Дана, в хижине не было. В углу сидел крупный ворон, склонив голову, посматривал строгим блестящим глазом. Поймав взгляд Дана, птица медленно и важно зашагала к нему. Подошла, вскочила на колени, прогулялась туда-сюда, заглянула в тарелку, схватила один шарик, проглотила. Потом спросила:

– Почему ты не ешь, Акира? Тебе нужны силы. Хватит горевать, это недостойно самурая.

Как бывало и в прошлые разы, память возвращалась не сразу. Но постепенно Дан вспоми-

нал. Он, капитан ФСБ Данила Платонов (хотя бы в этом Дан не сомневался), участвовал в захвате офиса крупного бизнесмена и столь же матерого преступника, Вадима Сенкевича. Настя, девушка Дана, тоже была там, работала под прикрытием и, конечно же, не покинула место операции. Дан загнал дельца в угол, и тогда произошло что-то странное. Вспоминалось огромное чернильное пятно, затянувшее и преступного бизнесмена, и их с Настей.

Потом оказалось, что этот клоун создал пространственно-временной портал, который выкинул их в Равенсбурге XV века – ушел от преследования, называется. Мало того, эта мистическая дыра перенесла их сознания в другие тела. Там были инквизиторы, ведьмы, демоны, вервольфы, костры, невинно убиенные девы, чокнутые монахи, людоеды, монстры, призраки, загадочные храмы, толпы фанатиков и Вельзевул – апофеоз всего безумия – полный набор из фэнтези-романа. Дан, Настя и Сенкевич чудом избежали гибели.

Потом чертов олигарх снова построил портал, клятвенно обещая вернуть их домой, в родной XXI век. Но то ли промахнулся, то ли нарочно так подстроил – они оказались в 2300 году. На этот раз Дан попал в тело капитана космического пиратского корабля, Айрона Блада по кличке Акула, Настя – в тело охотницы за головами Жасмин Ламер, а Сенкевич заделался для разнообразия хорошим парнем, адмиралом звездной эскадры Гарри Грантом. Будущее оказалось не сахарным – преследования, погони, космические бои, невыполнимая миссия на опасной планете

Гамма-32, заражение космическим паразитом. Когда казалось, спасения уже нет, им все же удалось вывернуться. Но зато они лишились надежды вернуться домой: у Сенкевича не было времени сделать расчеты для построения портала.

Дан обалдело изучал говорящего ворона. Однако еще больше, чем разумная птица, его поразила нынешняя реальность. Акира... Теперь он японец?! И Сенкевича не обвинишь, давний враг сразу предупредил: неизвестно, куда вынесет портал.

Дан скосил глаза: на нем была простая серая рубаха, перехваченная поясом, широкие штаны из той же ткани. Он глубокомысленно пошевелил пальцами босых ног. Никакого тебе самурайского доспеха. Зато на циновке лежали катана, вакидзаси и потертый кожаный мешок. У входа стояли деревянные сандалии.

– Ну же, Акира! – проговорил ворон и больно клюнул его в колено. – Ты собираешься мстить за смерть своего господина? Собираешься уничтожить предателя? А Кумико? Будешь сидеть тут и дрожать, подобно хризантеме на ветру, дожидаясь, когда ее невинность продадут какому-нибудь престарелому чиновнику?

Кумико... Вспомнились печальные глаза, покорная полуулыбка, скользкий шелк кимоно, нежные, как лепесток цветка, тонкие пальцы... Почему он уверен, что речь идет о Насте?

Ворон, словно перехватив эти мысли, надолго задумался.

– Да, в тебя вселился дух, Акира! – проницательно сообщил он наконец. – Что ж, возмож-

но, это даже к лучшему. В тебе дух, во мне дух, вчетвером что-нибудь придумаем.

Поспешно дожевав суши и запив их водой из маленькой чашечки, Дан поднялся, подхватил мечи, мешок и пошел к выходу.

Вчерашний уважаемый самурай из богатого клана, свирепый воин, верный соратник господина Тоетоми и счастливый влюбленный, а сегодня – потерявший все нищий ронин Сайто Акира¹ отправился навстречу новой судьбе. И ворон тэнгу взлетел на его плечо.

---

¹ Здесь и далее, по японскому обычаю, фамилия ставится впереди имени.

Глава 1

Всегда видеть тебя,
Всегда ловить твои взгляды..
Ах, вот если бы ты,
Став зеркалом этим,
Ждал по утрам моего
пробужденья!

Идзуми Сикибу

Сенкевич

Перед глазами было что-то серое, слегка поблескивающее. Прошло несколько секунд, прежде чем Сенкевич понял: он разглядывает полы собственного одеяния из серого шелка.

Он сидел в неудобной позе, подогнув под себя ноги – фактически стоял на коленях, низко склонив голову. Покосившись по сторонам в попытке понять, что происходит и куда он попал, Сенкевич увидел множество людей, находившихся в такой же позиции. Это были желтолицые узкоглазые мужчины разных возрастов, наряженные так же, как он. Лбы у всех были выбриты, на макушках красовались пучки черных волос.

«Средневековая Япония, мать твою, – тоскливо понял Сенкевич. – Занесла нелегкая...» Но тут же

с облегчением подумал, что могло выйти и хуже. Судя по всему, он попал в тело самурая, к тому же знатного и богатого – вряд ли рядового вояку пригласили бы к такой значительной персоне, каковой, несомненно, являлся человек, восседавший на возвышении перед коленопреклоненной публикой. Поднимать голову Сенкевич не решился – видимо, здесь это не полагалось, поэтому мог видеть лишь прикрытые черным шелком ляжки важного господина. «Кстати, – задумался он, – а что это за мужик? Император?..»

Сегун¹, подсказала проснувшаяся память. Токугава Иэясу. Сегодня двадцать восьмое апреля тысяча шестьсот шестнадцатого года², официальный прием в замке Эдо, резиденции Иэясу. Он, Сенкевич, попал в тело богатого самурая, дайме³ Маэда Тосицунэ, верного вассала клана Токугава. Сейчас ему сорок три года, возраст для этой эпохи солидный. Недавно он прибыл в Эдо для прохождения годовой службы при замке сегуна.

Сенкевич прислушался к себе. Самурай, воин должен быть сильной личностью. Просто так его не одолеешь. Он мысленно заговорил с «объектом», подождал, но ответа не получил.

«Неужели повезло и личность просто испарилась, как было с Фридрихом Бергом?» – изумился Сенкевич.

---

¹ Сегун – верховный военачальник. С 1192 по 1868 год верховная власть в Японии принадлежала сегунам.

² Для удобства читателей, здесь и далее японская система летоисчисления заменена на Григорианскую. 1616 год в Японии назывался бы вторым годом Гэнна.

³ Дайме – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии, удельные князья.

Рано радовался: Тосицунэ никак не отреагировал на вселение чужака в его тело, зато Сенкевич стал счастливым обладателем его мыслей и чувств. Их разумы словно слились, и трудно было определить, где заканчивается сознание самурая и начинается сознание Сенкевича. Тосицунэ безмолвно захватывал чужую личность и подчинял себе.

Сейчас бы самое время подумать о происхождении, но мысли путались, сбивались, становились все более отрывистыми.

«Кстати, о японцах: откуда в портале появилась паскудная физиономия господина Камацу?.. Самурай без войны – все равно что катана без клинка. Будет ли еще в моей жизни такая славная битва, как при замке Осака?.. В прошлый раз в портале было другое лицо, что бы это значило? Управляющий докладывал, что рисовый оброк в поместье не добрали... но зачем господину заботиться о таких мелочах... Достал чертов япошка, пошел вон из моей головы!.. Сегодня Харуми исполнилось бы семнадцать лет. Два года прошло с тех пор, как ее нет...»

Ощувив в душе укол боли, Сенкевич прислушался к мыслям самурая. Кто такая Харуми? Дочь, тут же понял он. Любимый ребенок, радость сердца и глаз. Родившаяся в месяц, когда осыпалось цветение сакуры, и сама нежная, как лепесток. И имя ей дали в честь весенней красоты¹. Она пропала два года назад, ночью исчезла бесследно из замка Эдо, куда приехала, чтобы стать фрейлиной. Тогда, по приказу Токугава Иэясу, самураи со слугами обшарили весь замок, перевернули окрестные поместья, обыскали

---

¹ Харуми – весенняя красота.

дома простолюдинов. Тщетно: Харуми сгнула, словно ее унесли призраки.

Несмотря на путаницу мыслей, Сенкевич от всей души посочувствовал самураю: он знал, что такое потеря близкого человека¹. Однако решил изолироваться от Тосицунэ, так было недолго и с ума сойти. Пользуясь тем, что сидел с опущенной головой, он прикрыл глаза, представил свое сознание в виде сгустка света и стал мысленно сооружать вокруг него непроницаемый кокон, отсекая личность самурая. Рядом что-то выкрикивали брутальными хрипловатыми головами, но он не обращал на это внимания.

Сенкевич не заметил, сколько прошло времени, но медитация помогла: мысли Тосицунэ перестали мешать. Только вот оказалось, что он переусердствовал и отсек память объекта вместе со всем жизненным опытом. Так не годилось: если в европейском Средневековье Сенкевич ориентировался вполне прилично – готовился, изучал историю, собираясь в благословенную и, похоже, недостижимую Флоренцию 1428 года, то Япония XVII века явилась для него сплошным белым пятном. Пришлось вытягивать к памяти тонкие нити света. И как выяснилось, он сделал это очень вовремя. В зале воцарилась тишина. Сенкевич осторожно огляделся: самураи по-прежнему сидели, склонив головы, но почему-то казалось, что внимание всех приковано к нему, Маэда Тосицунэ.

– Дары для сегуна! – гаркнул он, не задумываясь.

---

¹ С историей жизни Сенкевича можно ознакомиться, прочтя первую книгу цикла, «Клинок инквизиции».

Подошло время подношений господину от вассалов, и очередь добралась до Тосицунэ. Сенкевич порадовался, что вовремя включил память самурая – иначе конфуз мог стоить ему головы.

Откуда-то сзади выполз на коленях человек в простом кимоно из дешевой ткани («Косодэ, – поправил сам себя Сенкевич. – Правильно это называется косодэ»). Слуга медленно, но упорно продвигался вперед, держа на вытянутых руках шелковый сверток, при этом умудряясь не поднимать головы. «Как ловко у него получается!» – изумился Сенкевич.

На полпути ползуна перехватил коленопреклоненный секретарь сегуна, взял подношение, и оба тем же манером отправились в разные стороны. «Интересно, – подумал Сенкевич, – а самураи тоже так пресмыкаются перед господином?» И тут же получил ответ: «Да, тоже». Это никак не монтировалось с образом суровых вояк, сложившимся из фильмов и книг. Здешние обычаи были Сенкевичу настолько несимпатичны, что он сразу принялся мечтать о построении портала.

Только вот для начала найти бы Платонова с его девицей. Интересно, в чьи тела они попали? Он от души пожелал, чтобы осточертевший капитан оказался кем-нибудь вроде крестьянина. Сенкевич имел весьма смутное представление о земледельцах Японии, но ему упорно представлялись болотистые рисовые поля, на которых, по колено в воде, бродят тощие, изможденные люди.

В итоге Сенкевич сделал вывод, что, учитывая прошлые события, то есть события будуще-

го, в котором они трое побывали, все обошлось еще относительно прилично. Он тогда понятия не имел, куда может выкинуть портал из корабля Предтеч. Хорошо хоть в каменный век не ухнули.

Прием подходил к концу. Дары были вручены, и слуги унесли сегуна вместе с паланкином, в котором он восседал. Самураи осторожно вставали, разминали затекшие ноги и по одному шагали к выходу, где их ждали помощники, державшие мечи, – оружие, идя к сегуну, было принято оставлять за порогом, так же как деревянные сандалии гэта.

Сенкевич принял из рук молодого паренька мечи, отработанным до автоматизма движением сунул их в ножны и подумал, что неплохо бы разобраться с деталями своего костюма – пригодится. Итак, сверху на нем парадная черная куртка хаори, украшенная монами – родовыми знаками клана. Внутри у нее – узорчатый, покрытый вышивкой шелк. Самураю надлежит иметь строгий вид, но даже вояки не чужды тщеславия, вот и выпендриваются друг перед другом, соревнуясь в радужности подкладки. Под курткой – косодэ, запахивающееся наподобие халата одеяние из серого шелка. Дальше хакама. Сенкевич опустил глаза. Ну и штанищи! Широленные, они чем-то напоминали украинские шаровары, хоть гопака пляши. Только вот мешали два меча на поясе, слева: длинный – катана и укороченный – вакидзаси. Им, вспомнил Сенкевич, при случае можно сделать сэппуку, если ритуального кусунгобу под рукой не окажется. Подумал и чуть не сплюнул от злости – ну

и обычаи... Справа за поясом торчал веер тессен. Его можно носить даже в присутствии сегуна. Странно, кстати: окованный железом веер – оружие не менее грозное, чем катана.

«Кажется, с одеждой разобрался, – подумал Сенкевич. – Только вот облачатся во все эти штуковины, наверное, трудно, один трехметровый пояс поди обмотай вокруг себя. Впрочем, наверняка богатые самураи одеваются с помощью слуг».

Во дворе ожидали паланкины. Усевшись в свои носилки, Сенкевич поразился, насколько они маленькие и низкие. Его окружили самураи – охрана дайме Маэда Тосицунэ, следом потянулась сопровождающая свита. Слуги пронесли паланкин через ворота, миновали призамковые строения, двинулись по городской улице. Сенкевич сидел ровно, вид имел важный и невозмутимый, как полагалось истинному самураю, но с интересом косился по сторонам.

Замок сегуна стоял на самом берегу залива, от него вдоль береговой линии тянулись улицы города – маленькие, тонкостенные, будто игрушечные, деревянные домики с остроконечными крышами. Сенкевичу хотелось бы осмотреть Эдо подробнее, увидеть, как живут простые люди. Но путешествие получилось коротким: паланкин выплыл на широкую улицу, по обе стороны которой стояли камиясаки – богатые городские резиденции дайме и высших чиновников бакуфу¹. Эти дома были большими, нарядными, утопали в цветах, но тоже создавали впечатление

---

¹ Бакуфу – правительство при сегуне.